

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ
МЕЛЬНИКА КОЛДУНА, ОБМАНЩИКА
И СВАТА.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧВЕНІЕ

Николая Полеваго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ, сочинитель. Г-нъ каратыгинъ 2.
ВАСИЛІЙ КИРИЛОВИЧЪ ТРЕДЬЯКОВСКІЙ, сочинитель Г-нъ сосинцкій.
ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЖУКОВЪ, сочинитель Г-нъ куликовъ.
АННА ИВАНОВНА, воспитанница Сумарокова Г-жа асенкова.

АЛЕКСАНДРЪ ОНИСИМОВИЧЪ АБЛЕСИМОВЪ, перписчикъ стиховъ у Сумарокова Г-нъ максимовъ 1.
БОГДАНЪ БОГДАНОВИЧЪ КНИПЕРЪ, содержатель вольнаго театра въ Петербургѣ Г-нъ мартиновъ.
Слуга Сумарокова Г-нъ флязевъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ квартирѣ Сумарокова, неподалеку отъ театра Клиперова.

Комната, убранная порядочно. — Направо огромный столъ съ книгами и бумагами. Прямо и налево дѣрн.

ЯВЛЕНІЕ 1.

КНИПЕРЪ И АБЛЕСИМОВЪ (*входятъ*).

КНИПЕРЪ.

Я вамъ говорю, патюшка, что этого

никто не знаетъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ахъ! какъ я радъ...

КНИПЕРЪ.

Вы рады, а я не совсѣмъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Отъ чего такъ?

КНИПЕРЬ.

Отъ того, патюшка, что издержался на обстановку, и Богъ знаетъ, нагрѣдить ли меня сборъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

О, вѣрно!

КНИПЕРЬ.

Одна борода для Мельникъ стала мнѣ чуть не сорокъ алтынь...

АБЛЕСИМОВЪ.

Что тутъ сорокъ алтынь!...

КНИПЕРЬ.

Мельница стала 2 рубля 50 копѣйка!

АБЛЕСИМОВЪ.

Она намелеть въ твой кошелекъ денегъ!

КНИПЕРЬ.

А если нѣтъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Повѣрь же, Богданъ Богданычъ!

КНИПЕРЬ.

Я вѣрю, патюшка, да, мнѣ чудно одно только: если вашу оперетку такъ хороше, для чего же вы скрываетесь ото всѣхъ? Для чего не скажете Александру Петровичу?

АБЛЕСИМОВЪ.

Ахъ! ему-то и не надобно говорить!

КНИПЕРЬ.

Это значить все дѣло вверхъ ножками пошло. Во первыхъ, онъ узнаеть и можетъ осердиться...

АБЛЕСИМОВЪ.

Успѣхъ примирить меня съ нимъ.

КНИПЕРЬ.

Во вторыхъ, слова и покровительство такого великаго поэта могли бы защитить васъ отъ критикъ. У насъ, и вездѣ, многіе выѣзжали, когда хватался за хвостъ какойнибудь знатной человѣкъ, или великій поэтъ.

АБЛЕСИМОВЪ.

Никогда, никогда не рѣшусь на такія средства!

КНИПЕРЬ.

Очень напрасно! Гибкая спинка и ловкая ножка — одна погнется немножко, а другой шаркнетъ немножко. — О! это для молодого сочинителя очень не дурно...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ты не поймешь меня, любезный Богданъ Богданычъ, если я стану объяснять...

КНИПЕРЬ.

Чего тутъ не понимать! Слава Богу, на мои плеча не кадушка приставлена, а голова съ мозгомъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ты начинаешь сердиться, Богданъ Богданычъ?

КНИПЕРЬ.

Будешь сердиться, когда кошелекъ грозить бѣда! Вѣдь всякой пьеса, какъ хлопнуть, такъ директоръ театра лучше будетъ по щека хлопнуть...

АБЛЕСИМОВЪ (съ жаромъ).

А каково въ то время сочинителю, безчувственный? Что тебѣ за бѣда? — Паденіе моего Мельника принесетъ тебѣ убытка нѣсколько рублей, а для меня убьетъ оно мою славу, мое счастье, любовь, жизнь — все, все... кромѣ того, что ужь самое ожиданіе, страданіе до самаго успѣха... О! это мученія, которыхъ не пошлеть никому, кромѣ того, кто былъ драматическимъ писателемъ...

КНИПЕРЬ.

Слава, счастье, любовь — все, все... что такое? (въ сторону) Право, всѣ сочинители этакъ немножко дураки. Если бы можно было самымъ директорамъ писать...

АБЛЕСИМОВЪ.

Кто-то идетъ! Уйди, уйди поскорѣе, Богданъ Богданычъ, чтобы насъ выстѣ не увидали, чтобы не замѣтили...

КНИПЕРЬ.

Но, я хотѣлъ вамъ поговорить — мнѣ надобно спросить у васъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Послѣ, послѣ... (*толкаетъ его вонъ*)

ЯВЛЕНИЕ 2.

ТѢ ЖЕ И АННА ИВАНОВНА.

АБЛЕСИМОВЪ (*останавливаетъ Книпера*).

А! это свои, отъ нея нечего скрывать... Ахъ! передъ ней все открыто—все, и сердце и тайны мои...
КНИПЕРЪ.

Такъ барышня участвовать въ нашемъ секретѣ?

АННА ИВАНОВНА.

Въ томъ, что онъ вамъ отдалъ пьесу свою? Ахъ! какъ я вамъ благодарна, Богданъ Богдановичъ! Какая милая пьеса! — Посмотрите, сколько будетъ вамъ барышня!

КНИПЕРЪ (*съ стороны*).

Она знаетъ? А! тутъ есть шапини немножко! — Но я боюсь, что Александръ Петровичъ узнаетъ, а онъ такой сердитый...

АННА ИВАНОВНА.

Скажите: нравится ли вамъ опера Александра Описимыча? Не правда ли, что она премиленькая, не правда ли?

КНИПЕРЪ.

Я этого не знаю, сударынь — у меня всегда та пьеса будетъ хороша, который сборъ даетъ.

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какой вы корыстолюбивый!

АБЛЕСИМОВЪ.

Вадоръ! Онъ самъ хвалитъ мою пьесу... Слушайте, Богданъ Богдановичъ — идите вы къ себѣ, а я тотчасъ къ вамъ буду, тотчасъ! (*тихо*) Онъ можетъ опечалить мою милую Аннушку... (*срочно*) Идите, идите, Богданъ Богдановичъ... Я тотчасъ за вами.

ЯВЛЕНИЕ 3.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ КНИПЕРА.

АННА ИВАНОВНА.

Что онъ такой сердитый? Развѣ ему не нравится ваша пьеса?

АБЛЕСИМОВЪ.

О, нѣтъ! да они все, знаете, такіе уроды... Анна Ивановна...

АННА ИВАНОВНА.

Боже мой! Если вамъ въ самомъ дѣлѣ будетъ неудача, Александръ Описимовичъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Неужели вы тогда меня разлюбите?

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какъ вамъ не стыдно!... Но что жъ тогда наша свадьба? Что скажете мой опекунъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Анна Ивановна, Аннета, Аннушка, милая моя, безцѣнная Анна Ивановна, я тогда напишу пьесу еще лучше, еще замысловатѣе... Да, вѣдь ты сама читала ее, ты хвалила...

АННА ИВАНОВНА.

Да, что же мнѣ не поправится, что дѣлаетъ мой милый Александръ Описимовичъ? Но, я боюсь, что скажутъ другіе...

АБЛЕСИМОВЪ.

Если только ты будешь любить меня, если только... О, да, я горы сдвину съ мѣста, если велитъ мнѣ моя милая, моя безцѣнная Аннушка, сокровище мое, жизнь моя...

АННА ИВАНОВНА.

Полноте, полноте, Александръ Описимовичъ... Ахъ! постоитъ, кто-то идетъ: не опять ли этотъ пессимный Петръ Федоровичъ!

АБЛЕСИМОВЪ.

Эта ходячая рюма, этотъ дуралей, этотъ рюмачъ пессимный...

АННА ИВАНОВНА.

Его любовь еще пессимнѣе стиховъ его, а онъ безпрестанно надоѣдаетъ

мнѣ своею любовью, которую напѣ-
вастъ прозой и стихами.

АБЛЕСИМОВЪ.

Но, но... вы могли бы, сударыня,
сказать ему, чтобы онъ оставилъ васъ
въ покоѣ!..

АННА ИВАНОВНА.

Вотъ хорошо, когда мой онекуль
прочтѣ мнѣ его въ женски!..

АБЛЕСИМОВЪ.

Въ женски? А вы до сихъ поръ ни-
чего мнѣ не говорили, и теперь вы
говорите это такъ равнодушно!

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! Боже мой! Дѣ, для чего же бы-
ло мнѣ сердить васъ, и будто у насъ
не объ чемъ другомъ говорить, кромѣ
Петра Ѳеодорыча вашего?..

АБЛЕСИМОВЪ.

Вашъ онъ, сударыня, а не мой —
чортъ бы его побралъ совсѣмъ!..
Ахъ! Боже мой!.. Вотъ новая бѣда
... и въ самомъ дѣлѣ — онъ и сти-
хи пишетъ, и такой щеголь, и Алек-
сандръ Петровичъ его полюбилъ, и
дядя его... И она такъ говорить объ
немъ... О! я погибъ, погибъ. Ждать
мнѣ больше нечего — пойду, утопнусь,
брошусь въ Неву!..

АННА ИВАНОВНА.

А вашъ Мельникъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Пусть ихъ свищутъ, хвалить, дѣла-
ютъ, что угодно... все конечно...

АННА ИВАНОВНА.

И, разумеется, конечно: будетъ ли
успѣхъ Мельнику или нѣтъ, а кромѣ
моего Александра никому не будетъ
принадлежать рука моя.

АБЛЕСИМОВЪ.

Какъ? Что вы говорите? Вы, Анна
Ивановна, вы... (*голосъ Суларокова*
за кулисами: «Да неужели еще не
приходилъ Александръ Омислигъ?»)

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! Его голосъ! Онъ велѣлъ
мнѣ переписать свою послѣднюю оду,

а она еще не кончена — и я со-
всѣмъ было забыть... Побѣту!.. Не
говорите, Анна Ивановна, что я здѣсь
былъ, пожалуйста только ручку вашу...
(*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4.

АННА ИВАНОВНА (*одна*).

Ахъ! какой онъ сталъ взбалмошный,
съ тѣхъ поръ, какъ началъ стихи пи-
сать: то сердится, то плачетъ, то
смыется, да жаль, что на него разсер-
диться-то нельзя... Такой онъ милый,
такой добрый и такъ меня любить,
— мнѣ кажется, я изъ него что хо-
чу, то и сдѣлаю; да онъ же и сочи-
нитель, и ужъ, конечно, хороший со-
чинитель — можетъ быть, не хуже
Александра Петровича, а ужъ не та-
кой гадкой, какъ этотъ несносный
Петръ Ѳеодорычъ...

ЯВЛЕНИЕ 5.

ТѢ ЖЕ И ЖУКОВЪ.

ЖУКОВЪ (*входитъ при послѣднихъ*
словахъ).

Она произнесла мое имя! О радость,
о восторгъ! Въ мое отсутствіе, она
обо мнѣ думаетъ, обо мнѣ мечтаетъ!

АННА ИВАНОВНА (*не видя его*).

Признаюсь, этотъ Петръ Ѳеодорычъ..

ЖУКОВЪ.

Онъ здѣсь, и — у ногъ вашихъ!

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какъ вы испугали меня! Мож-
но ли такъ подслушивать, можно ли
такъ подкрадываться...

ЖУКОВЪ.

Вы были однѣ — вы такъ нѣжно
произнесли мое имя...

АННА ИВАНОВНА.

Не стыдно ли вамъ подслушивать чу-
жія рѣчи?

ЖУКОВЪ.

Онѣ были восхитительны! Амуръ ру-

ководитъ меня, Афродита вела меня—
Аполлонъ внушалъ мнѣ...

АННА ИВАНОВНА.

Какъ мудроно вы говорите — я
васъ не понимаю...

ЖУКОВЪ.

О! вы поймете меня, прекрасная, вы
должны поплять меня, несравненная...
Позвольте... (*вынимаетъ бумагу*)
Какой счастливый случай! Она одна,
а я уже давно искалъ благопріятнаго
времени... Она выслушаетъ... (*ером-
хо*) Богиня несравненная! позвольте,
позвольте сердцу моему излиться въ
письменномъ изъясненіи того, что его
томить, крушить, сожигаетъ...

АННА ИВАНОВНА.

Мнѣ право некогда... Можетъ быть,
вы долго будете читать...

ЖУКОВЪ.

Часы превратятся для васъ въ мгнов-
венія, для изъясненія пламеннаго огня
моего, любви, страсти, меня сѣдую-
щей... Пусть языкъ боговъ замѣнитъ
языкъ смертныхъ...

АННА ИВАНОВНА.

Я ужъ не разъ говорила вамъ, что
мнѣ рѣчи ваши слушать не годится.

ЖУКОВЪ.

Но о чемъ же говорить человѣку,
если отнять у него рѣчи любви?

АННА ИВАНОВНА.

Вы поговорили бы лучше, Петръ Фе-
доровичъ, съ дядюшкою Александромъ
Петровичемъ...

ЖУКОВЪ.

Нѣтъ, съ вами, съ вами долженъ я
говорить... Моя Муза, скромная Му-
за моя, вамъ хочетъ передать свои
мечты, свои радости, свои надежды...

АННА ИВАНОВНА.

Александръ Петровичъ лучше бы
поплялъ что вы говорите, а я, право,
не знаю, что вамъ и сказать...

ЖУКОВЪ (*съ стороны*).

То есть, она признается въ любви сво-
ей; но это, что она меня любитъ,
это я давно знаю... (*вслухъ*) Вотъ,

преlestная Анна Ивановна, я хотѣлъ
представить вамъ мою повую эклогу...

АННА ИВАНОВНА.

Мнѣ, право, теперь слушать некогда...
ЖУКОВЪ (*съ стороны*).

Она робѣетъ! О часть восторга!
(*вслухъ*) Въ Аркадіи, въ той блаженной
странѣ, гдѣ не знали ни золота, ни
чиповъ, ни прозы—тамъ жила неко-
гда пастушокъ Амнѣтъ... Онъ лю-
билъ прелеstную Сильвію...

АННА ИВАНОВНА.

Вѣрно, имъ нечего было лучше дѣ-
лать!

ЖУКОВЪ.

Въ одно майское утро, когда луче-
зарный Фебъ... Но, позвольте...
(*начинаетъ читать*).

АМНѢТЪ.

ЭКЛОГА.

Уже багряная заря на небесахъ,
Предшественница днѣ, съ росой на устахъ,
Раззолотила сводъ небесъ улыбкой милой...
Когда изъ хижины своей Амнѣтъ унылой...

АННА ИВАНОВНА.

Боже мой! Онъ зачитаетъ меня!

ЖУКОВЪ (*читаетъ*).

Токъ слезный осушивъ, что ночь точила
всю,

На лугъ влачила тоску сѣдую свою.
Колко ясенъ день, Апророй озлащенный!
Толко грустѣть былъ въ тоскѣ Амнѣтъ
смущенный...

АННА ИВАНОВНА (*тихо*).

Убѣжать отъ него; онъ не замѣтитъ!
(*придется потихоньку вонъ и уходитъ*).

ЖУКОВЪ (*съ жаромъ*).

«О ты!» воскликнулъ онъ, жестокая краса,
Котору въ гибель мнѣ послали небеса...
Доколя унывать и мнѣ не знать покою,
Доколя буду я не милымъ предъ тобою!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЖУКОВЪ И СУМАРОКОВЪ.

СУМАРОКОВЪ (*декламируетъ*
*и идетъ съ ли-
тою въ рукахъ*).

И славою днесь твоей вселенна

Какъ солнцемъ съ высоты небеса...

ЖУКОВЪ (*не видя его, читаетъ*).

Рѣчи мою ты страсть—воскликнулъ онъ,
рѣши!

Владычица моей, и сердца, и души!

сумароковъ (*не видя его*).

Во вѣки будетъ озаренна,

Твоихъ величіемъ чудесь!

жуковъ (*въ восторгъ пролико*).

Рыши, жестокая!...

сумароковъ (*пугался*).

Ай! что такое?

жуковъ (*отскакивая*).

Рыши... Ах!

сумароковъ.

Тьфу, ты братецъ — это ты, любезный Петръ Федоровичъ?

жуковъ (*ропая эклогу*).

Извините, Ваше Превосходительство, простите.

сумароковъ (*подымая выпавшую у него эклогу*).

Ба, ба, что это? Опять стихи — эклога? Ну, пріятель, хорошо! Экой злодѣй! — Въ восторгъ и не замѣчаетъ людей — настоящій поэтъ.

жуковъ.

Великій поэтъ не принадлежитъ къ числу другихъ людей, и тотъ, кто высокимъ даромъ своимъ заставилъ меня любить поэзію — простить мнѣ забывчивость восторга...

сумароковъ (*въ стирону*).

Ловокъ на рысь!

жуковъ.

Кто былъ въ одно время Мольеромъ и Расиномъ Россіи...

сумароковъ.

Ну, ну, полно! Садись-ка. Что это такое у тебѣ?

жуковъ.

Простите... Видя и въ вашей рукѣ что-то такое, могу ли я думать о моихъ стихахъ!

сумароковъ.

Это, братецъ, у меня такъ, дрянъ — первая мысль оды... намарана...

жуковъ.

Намарана! — Да кто же послѣ того творить великое?

сумароковъ.

Мало ли кто! Вонъ теперъ и Рубанъ

Василій въ поэты попалъ... ха, ха, ха!

жуковъ.

Рубанъ! Ха, ха, ха!

сумароковъ.

Вѣдь и покойнаго Михайла Васильевича многіе мнѣ предпочитали...

жуковъ.

Предпочитали! Ха, ха, ха!

сумароковъ.

Вотъ, я еще недавно написалъ эниграмму. — Такъ, знаешь, мимоходомъ — постой — какъ бишь она?

Пштовъ родъ плохихъ дотоль не прекратителъ,

Доколь крапива въ щи не будетъ ужъ годигьелъ,

Соль съ часемъ будутъ пить, и ракъ, что ходитъ взадъ

Иди дорогою прямою будетъ радъ...

жуковъ.

Прекрасно! Превосходно! Позвольте спикать! Ахъ, Александръ Петровичъ! ваши эниграммы ужасны!

сумароковъ.

Льстецъ!...

жуковъ.

Помилуйте! Послѣ этого вся Россія льститъ вамъ!

сумароковъ.

Умень злодѣй!.. А что, неужели ты тутъ одинъ разглагольствовалъ, когда я вошелъ...

жуковъ.

Признаюсь... здѣсь была ваша прелестная, ваша прекрасная...

сумароковъ.

Воспитанница молъ?

жуковъ.

Да, она!..

сумароковъ.

Гдѣ же она?

жуковъ.

Вѣроятно, упорхнула, какъ легкая птичка, замѣтя васъ...

сумароковъ.

Дура она — чего тутъ стыдиться? Дѣвка товаръ не такой, чтобы заширать его, и я вашей любви радъ,

радь, что могу выдать мою любезную родственницу за челоуѣка, который поддержитъ доброе стихотворство въ Россіи.

жуковъ.

О! помиуйте!...

сумароковъ.

Конечно, тебѣ, напримѣръ, за мной, братецъ, не угоняться, но все таки братецъ, ты челоуѣкъ съ умомъ, со вкусомъ, советамъ непохожъ на дялюшку свѣтлаго Василія Кириловича, который челоуѣкъ добрый, а стихотворецъ — куда плохой...

жуковъ.

Я хотѣлъ было...

сумароковъ.

Что, ужъ не свататься ли? Пожалуй — что мышкать? Но послушай-ка, пріятель, что же твои драматическіе опыты?

жуковъ.

Признаюсь — начиналъ...

сумароковъ.

За драму, братецъ, надобно приниматься, за драму, за то, чему я положилъ такое твердое и неизбѣжное основаніе въ Россіи, что смѣло могу говорить:

Расширять я театръ лавить, о Россы, вамъ! Скаредные писцы ползуть теперь на вершины Пинда, хотять взять Россійскій Парнасъ приступомятъ, и овладѣвають даже и театромъ: истребляется вкусъ, уничтожается смыслъ, и — признаюсь, я прѣхалъ теперь изъ Москвы нарочно, остановить монми советамъ, монми вліяніемъ, такую пагубную за разу-

жуковъ.

Вашъ голосъ силенъ будетъ...

сумароковъ (съ жаромъ).

Еще бы не быть ему слыну, послѣ монхъ заслугъ, послѣ моего Хорева, послѣ моего Дмитрія Самозванца, моего Ярополка и Димитрія, послѣ того, когда самъ г-нъ Вольтеръ писалъ ко мнѣ, послѣ того (жилляеть).

жуковъ.

Я было и началъ, по трагедіи, рѣшительно, не мой родъ... Вы загордили у насъ путь трагедіи...

сумароковъ (услыхалъ).

Хе, хе, хе!

жуковъ.

Я рѣшился прилѣчься за комедію — мой родъ — смѣшное...

сумароковъ (подозрительно).

А развѣ мои комедіи тебѣ не нравятся?

жуковъ.

Помиуйте, прелестъ... особливо пѣкоторыя — напримѣръ: «Приданое обманомъ», гдѣ у васъ окармливають опекуна ботвынью съ гнилою рыбою и заставляютъ подписать духовную.

сумароковъ.

И неужели только? А мой Трссотишусъ?

жуковъ.

А вашъ Брамарбастъ, Фатюй, ваши Чудовищи?

сумароковъ (треплетъ его по плечу).

Вотъ, братецъ, какъ надобно писать комедіи!

жуковъ.

Гдѣ же мнѣ, уткѣ, летать за орломъ! Но я осмѣлился въ подражаніе вамъ..

сумароковъ.

Ну!

жуковъ.

Написать пѣчто...

сумароковъ.

Ну?

жуковъ.

Но, трепещу представить вамъ, не смѣю говорить, пока вы не одобрите — не смѣю и ожидать вашего одобренія...

сумароковъ.

Ты скровниый, любезный молодой челоуѣкъ — Гдѣ же твои комедіи? Не бойся, давай — я буду снисходительнъ.

жуковъ.

Она подражаніе вамъ, повторяю — тоже завязка на ботвиньи...

сумароковъ.

Ха, ха, ха! Вишь повравилось злодюю!

жуковъ.

Если позволите, я сбѣгаю домой и тотчасъ возвращусь...

сумароковъ.

Хорошо, ступай, а я покаместъ напишу строфы двѣ моей оды...

жуковъ.

Но, напередъ, сдѣлайте милость...

сумароковъ.

Что толковать! Давай, неси, неси; если, братецъ, твоя комедія хороша—хоть сейчасъ по рукамъ съ Аннушкой.

ЯВЛЕНІЕ 7.

сумароковъ (*идитъ*).

Вотъ, говорятъ: яблочко отъ яблонн недалеко падаетъ, по онъ племянникъ Тредьяковскаго, а пишетъ стихи славно. Конечно, гдѣ жь ему съ нами тянуться, да много ли Сумароковыхъ является и въ сотни лѣтъ? Примемся однакожъ за мою оду. Этотъ стихъ: «Колико вознесена ты — не «хорошъ! — Не лучше ли: «Колико прославлена ты?» — Удареніе будетъ не на мѣстѣ! О стихи, стихи! не легко васъ писать, если писать такіе, какъ я пишу! — И такъ онъ влюбленъ въ мою Аннушку? — Пожалуй—мы и выдадимъ ее за него!

ЯВЛЕНІЕ 8.

сумароковъ и анна ивановна.

анна ивановна (*она показывалась за дверьми еще при Жуковъ, но пряталась*).

Ахъ, дялюшка!

сумароковъ (*разстѣянно*).

Что, милая племянница? — Не лучше ли будетъ одпакожъ: «Колико освященна ты?»

анна ивановна.

Вы за кого-то хотите меня отдать?

сумароковъ (*разстѣянно*).

За Петра Ѳедоровича Жукова, милая. — Или такъ: «Колико славой блещешь ты?» — Но вѣдь «блестѣть» не то, что «блнстать!»

анна ивановна.

Ахъ, дялюшка!

сумароковъ (*разстѣянно*).

Что опять: «Ахъ!»... Нѣтъ! Видно лучше оставить по старому!

анна ивановна.

Я не пойду за него! Это никуда не годится!

сумароковъ (*съ сердцемъ*).

Какъ никуда не годится? Что ты врешь? Разумѣйся, гораздо приличнѣе сказать: «Колико вознесена ты!»

анна ивановна.

Я говорю о вашемъ Жуковъ.

сумароковъ (*пишетъ*).

А я думалъ о моей одѣ... Ну, такъ что жь такое о Жуковъ? — Вѣдь ты любишь его?

анна ивановна.

Нѣтъ!

сумароковъ.

Выйдешь за него?

анна ивановна.

Нѣтъ!

сумароковъ.

Какъ? — Да, онъ самъ сказалъ мнѣ!

анна ивановна.

Онъ вамъ солгалъ. Я его терпѣть не могу и за него не пойду!

сумароковъ.

Этого нельзя. Во первыхъ, я ему почти слово далъ...

анна ивановна.

Вы возьмете его назадъ!

сумароковъ.

Эвось! Да, что, развѣ слова-то мои.

что ваши Аѳвичьи клятвы въ любви?

— А во вторыхъ онъ. . .

АННА ИВАНОВНА.

Дуракъ!

СУМАРОКОВЪ.

Сочинитель.

АННА ИВАНОВНА.

Прегадкій!

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, Аннушка — я люблю откровенность и тебя принуждать не стану, но всему есть мѣра, мой другъ... Если онъ и не очень уменъ, это правда — а сочинять начнетъ — чортъ его знаетъ, откуда что берется!

АННА ИВАНОВНА.

Да, развѣ вамъ непременно хочется отдать меня за сочинителя?

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, мой другъ! — Ты не богата и за богатаго идти тебѣ и думать нечего, а за подъячаго, хоть бы и чиповнаго, я тебя не отдамъ — терпѣть не могу подъяческаго рода. Что жь? Не за кунца жѣ идти тебѣ, генеральской племянницѣ? И притомъ, отдавая тебя за сочинителя, я продолжаю въ родѣ моемъ творчество пинтическое. Дочь выдалъ я за автора, а ты мнѣ хоть и дальняя родственница, но съ отцомъ твоимъ все таки были мы родные, а наипаче друзья, и быть и тебѣ женою поэта!

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ, дялюшка!

СУМАРОКОВЪ.

Что такое опять?

АННА ИВАНОВНА.

Я боюсь сказать вамъ. . .

СУМАРОКОВЪ.

Ужъ не влюбилась ли ты въ кого нибудь?

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! я люблю!

СУМАРОКОВЪ.

Какая дерзость! Безъ моего позволенія? Вотъ что въ наше время дѣвочки изволятъ дѣлать. Да, какъ ты смѣла?

АННА ИВАНОВНА.

Вы сами похвалите мой выборъ.

СУМАРОКОВЪ.

Нарочно не похваляю, чтобы не было по твоему!

АННА ИВАНОВНА.

О Боже мой!

СУМАРОКОВЪ.

А! плакать! Ты будешь за Жуковымъ и только! Я своевольства не потерплю.

ЯВЛЕНИЕ 9.

ТЪ ЖЕ И АБЛЕСИМОВЪ.

АБЛЕСИМОВЪ (въ сторону).

Что такое сдѣлалось? Она плачетъ — онъ сердится.

СУМАРОКОВЪ.

А, кто ты братъ Аблесимовъ? — Ну, что? готово?

АБЛЕСИМОВЪ.

Готово.

СУМАРОКОВЪ.

А, славно! Этакимъ писака — какъ будто жемчужкомъ нижить! Куда же ты?

АБЛЕСИМОВЪ.

Я. . . боюсь. . . Кажется, я пришелъ не кстати. . .

СУМАРОКОВЪ.

Ничего! Ты свой человекъ — дѣвичьи слезы вода — мы перекинули съ Аннушкой о женихахъ. . .

АБЛЕСИМОВЪ.

О женихахъ!

СУМАРОКОВЪ.

Ну, вотъ, братецъ, ты хоть молодой, но умный малый — разсуди: я желаю, чтобы она была за хорошимъ человекомъ, и непременно за сочинителемъ. . . Такъ ужъ я хочу!

АБЛЕСИМОВЪ.

И прекрасно хотите.

СУМАРОКОВЪ (Аннѣ Ивановнѣ).

Видишь? Ну вотъ, я и выбралъ ей жениха. . .

АБЛЕСИМОВЪ.

Выбрали жениха!

СУМАРОКОВЪ.

Да, малаго — ну, не глупаго, да за то ловкаго, стихотворца, молодаго...

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! Да кто же это?

СУМАРОКОВЪ.

И шь знакомецъ Жуковъ.

АБЛЕСИМОВЪ.

Жуковъ!

СУМАРОКОВЪ (*Анна Ивановна*).

Видишь? Вотъ и онъ подтверждаетъ мой выборъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Извините, Александръ Петровичъ, я не говорю ни слова!

СУМАРОКОВЪ.

Развѣ и тебѣ мой Жуковъ не нравится?

АБЛЕСИМОВЪ.

Мнѣ кажется, онъ самый пустой человекъ!

СУМАРОКОВЪ.

Что такое?

АБЛЕСИМОВЪ.

Плохой рюмачъ!

СУМАРОКОВЪ.

Это что?

АБЛЕСИМОВЪ.

Негодяй, хвастунъ, который поэтя вашей Анны Ивановны не стоитъ!

СУМАРОКОВЪ.

Что съ тобой сдѣлалось, Аблессимовъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Извините — я люблю говорить правду! Вы не захотите несчастія своей пьесмишницѣ — вы не отдадите ее за человека, котораго она терпеть не можетъ!

СУМАРОКОВЪ.

А ты это почему знаешь?

АБЛЕСИМОВЪ.

Вы отдадите руку ея тому, кого выбрало ея сердце...

СУМАРОКОВЪ.

Что ты, братецъ? вздурился?

АБЛЕСИМОВЪ.

Простите меня, но если я заслужилъ сколько нибудь довѣрія вамъ, вниманіе ваше...

СУМАРОКОВЪ.

Ты малой добрый, честный...

АБЛЕСИМОВЪ.

Если любовь и усердіе могутъ замѣнить все другое, если трудолюбіе стоитъ богатства, если счастье вашей Анны Ивановны...

СУМАРОКОВЪ.

Да, что все это значить?

АБЛЕСИМОВЪ (*на колѣняхъ*).

Александръ Петровичъ! будьте отцомъ моимъ: отдайте мнѣ Анну Ивановну!

АННА ИВАНОВНА (*на колѣняхъ*).

Дядюшка! отдайте меня ему!

СУМАРОКОВЪ.

Ха, ха, ха! Ну, братъ, сцена, хоть бы въ комедию, такъ годится... Ха, ха, ха! хоть бы поэту сыграть такую штуку!

АБЛЕСИМОВЪ.

Поэту? Вашей Аннѣ Ивановнѣ непременно надобно жениха поэта?

СУМАРОКОВЪ.

Именно!

АБЛЕСИМОВЪ.

И вы только потому не отдадите мнѣ руки ея, что я не пишу стиховъ?

СУМАРОКОВЪ (*хохочетъ*).

Да, именно!

АБЛЕСИМОВЪ.

Встаньте, Анна Ивановна — вы моя!

СУМАРОКОВЪ.

Какъ такъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Я поэтъ — я истинный поэтъ, котораго вдохновляетъ любовь!

СУМАРОКОВЪ.

Что ты переписываешь стихи хорошо, это я знаю...

АБЛЕСИМОВЪ.

Нѣтъ, я самъ пишу ихъ и вы ихъ хвалили!

СУМАРОКОВЪ.

Когда? Какъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Да вотъ притча во вчерашнемъ Трутнѣ мой, пѣсенка въ Муравьѣ: «Очи дѣвы голубыя!» — мол. . . .

СУМАРОКОВЪ.

Твой? Хорошо, не дурно! Но, но, почему же до сихъ поръ ты скрывался отъ меня?

АБЛЕСИМОВЪ.

Я хотѣлъ заслужить руку Анны Ивановны чѣмънибудь достойнѣйшимъ вашего ениманія.

СУМАРОКОВЪ.

Ужь не трагедіей ли?

АБЛЕСИМОВЪ.

Нѣтъ, но зналъ, какъ дорого цѣните вы произведенія драматическія, я написалъ родъ оперы, комедію съ пѣснями . . .

СУМАРОКОВЪ.

Комедію съ пѣснями?

АБЛЕСИМОВЪ.

Въ Русскомъ, повомъ, совершенно небываломъ родѣ.

СУМАРОКОВЪ.

Ну, что же?

АБЛЕСИМОВЪ.

И хочу отдать ее на театрѣ . . .

СУМАРОКОВЪ.

А имя ей?

АБЛЕСИМОВЪ.

Мельникъ колдунъ, обманщикъ и свать.

СУМАРОКОВЪ.

Да что же это? Стало быть, герой ея Мельникъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Точно такъ, и дѣйствіе въ деревнѣ.

СУМАРОКОВЪ.

А героиня деревенская дѣвка, женихъ ея мужикъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

На сценѣ деревенская свадьба; поютъ Русскія пѣсни . . .

СУМАРОКОВЪ.

И мужичекъ объясняется въ любви по своему? Да, ужь, не называютъ

ли они другъ друга Тома, Карлушка, Сидорка, Фекла, Федора?

АБЛЕСИМОВЪ.

Точно такъ.

СУМАРОКОВЪ (*хохочетъ и падаетъ въ пресла.*
Аблесимовъ и Анна Ивановна въ изумленіи.)

АБЛЕСИМОВЪ.

Помилуйте, Александръ Петровичъ, что жъ тутъ такого смѣшнаго?

СУМАРОКОВЪ.

Слушай, братъ, Аблесимовъ: мнѣ надобно бы на тебя разсердиться, за то, что ты завелъ съ Аннушкой такія любовныя шашни, но ты меня до того утѣшилъ своими словами, что, такъ и быть — я тебя прощаю; но племянницѣ моей за тобой не бывать!

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, не сами ли вы сказали, что у меня не доставало только одного — быть сочинителемъ?

СУМАРОКОВЪ.

Да, этого-то именно и не достаетъ . . . Послушай-ка ты, братъ, добраго совета: не говори ты никому о своемъ Мельникѣ, да сожги его — просто, растопи имъ печку!

АННА ИВАНОВНА.

Какъ, дядюшка?

СУМАРОКОВЪ.

Да, такъ, тетушка! Онъ самое сильное доказательство, что надобно сперва учиться и знать птичку, а потомъ приниматься сочинять . . .

АБЛЕСИМОВЪ.

Что же такое . . .

СУМАРОКОВЪ.

Ну, да, ты самъ посуди: комедія съ пѣснями! Да, это все равно, что трагедія въ прозѣ, стихи безъ рифмы, рѣдка съ кофеемъ, человекъ съ двумя носами . . . Постой, постой еще! Далѣе — выводить на сцену подлую, мужицкую любовь, переносить дѣй-

ствіе къ мужицкому зипуну... Да, этого братаецъ, и на ярмаркѣ не потерпятъ, не только что на театрѣ въ просвѣщенной столицѣ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Напротивъ, мнѣ всегда казались неспособны все эти Оропты, Криспины, все эти опекуны, все лукавыя ваши Финетты, которыхъ мы, Рускіе, не знаемъ, которые все кроются на одну стать...

СУМАРОКОВЪ.

Что, что такое? Ха, ха, ха! Опять ты... Полю, братаецъ — ты уморишь меня... Если ты пинтикъ не учился...

АБЛЕСИМОВЪ.

Сердце учило меня!

СУМАРОКОВЪ.

Искусство и правила, установленныя великими людьми — вотъ гдѣ, братаецъ, источникъ всего... Да, одно то, что на сценѣ будутъ Русскіе мужики — Сидоры, Карпы, Федоты... Ха, ха, ха!

АБЛЕСИМОВЪ.

Но вѣдь вы выводили же Мстиславовъ, Ярополковъ, Синавовъ?

СУМАРОКОВЪ (*важно*).

Да! такъ ты хватилъ! Да, развѣ я не облагородилъ ихъ? Развѣ я не заставилъ ихъ говорить языкомъ Брутовъ, Цидовъ, Митридатовъ? У меня выйдетъ на сцену какойнибудь Вышеславъ, а заговорить — анъ Ахиллъ! Выйдетъ Ксенія, а заговорить Андромаха!.. Хе, хе, хе! Въ томъ-то и искусство!... А у тебя какимъ языкомъ актеры заговорятъ? какъ запоютъ?

АБЛЕСИМОВЪ (*вынулъ изъ рукава рукопись*).

Вотъ какъ!

СУМАРОКОВЪ.

О! дай-ка, дай — почитаемъ!

(*Онъ наскоро пробѣгаетъ рукопись. Аблессимовъ и Анна Ивановна съ робостью смотрятъ на него.*)

АННА ИВАНОВНА (*тихо*).

Ахъ! Александръ Онисимовичъ! Я боюсь, если твой пьеса въ самомъ дѣлѣ...

СУМАРОКОВЪ (*хохочетъ*).

Ну, братъ Аблессимовъ, знаешь ли что? Здорова ли твой голова? не рехнулся ли ты отъ любви?.. Ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ 10.

ТЪ ЖЕ И КИПЕРЬ.

СУМАРОКОВЪ.

Богданъ Богдановичъ! ну-ка, братъ не надобна ли тебѣ новенькая пьеска?

КИПЕРЬ.

О, ошень надобна!

СУМАРОКОВЪ.

Ну, такъ не угодно ли: вотъ мой добрый пріятель смастерилъ пьеску, да какую? Чудо, братъ!

КИПЕРЬ.

Вы шутить?

СУМАРОКОВЪ.

Нимало! Одно названіе собереть къ тебѣ толпу народа: зовутъ ее Мельникъ... какъ бишь еще? Да, еще колдунъ, да еще и обманщикъ, да еще и спать! Что ты ротъ-то разинулъ?

КИПЕРЬ.

Такъ развѣ вы знаете?

СУМАРОКОВЪ.

Бери скорѣе!

КИПЕРЬ.

Да, вы шутить, или правду говорить?

СУМАРОКОВЪ.

А что тебѣ?

КИПЕРЬ.

Да, вѣдь этотъ пьесъ будетъ представляеть у меня!

СУМАРОКОВЪ (*Аблессимову*).

Такъ ты стало не шутить? Ты пьесу свою успѣлъ отдать и на сцену?

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, я ужъ отдалъ ее.

КИПЕРЬ (*со страхомъ*).

Такъ развѣ она такъ — трянь?

СУМАРОКОВЪ *(кагал головой)*.

Да, глупость, братецъ, какую только можно себя вообразить — доказательство, что и умные люди бываютъ помъшаны на чемъ нибудь...

КНИПЕРЬ.

Поцтаузендъ! Какъ!

СУМАРОКОВЪ.

Ну, братъ Аблесимовъ, стоило бы тебѣ порядочно побранить, что не за свое дѣло берешься, но за твою дерзость ты будешь довольно наказанъ стыдомъ и свистками...

(Аблесимовъ стоитъ, какъ окаменѣлый.)

СУМАРОКОВЪ.

Послушай, Богданъ Богдановичъ, нельзя ли, братецъ, не срамить молодого человѣка? Малый онъ добрый — ну, сдѣлалъ глупость, взялся не за свое дѣло — любовь свела его съ ума!

КНИПЕРЬ *(хваталъ за на-
рикъ обгалии рукави)*.

О! сердечко предчувствовало... Отмѣнить нельзя: ее даютъ сегодня, чрезъ два часа начало! Въ раекъ ужь собирается народъ... Но, это ужасно! это безчеловѣчно! Зачѣмъ я не спросилъ герръ Сумароковъ... зачѣмъ — одеръ тейфель! О! о! о!...
(Сумароковъ хохочетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 11.

ТѢ ЖЕ, жуковъ и тредьяковскій *(Онъ застегнутъ и кафтанъ у него ужасно оттопырился)*.

СУМАРОКОВЪ.

А, добро пожаловать! Василій Кирпичъ, небывалый гость!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Низъ дерзновеніе завернуть къ милостивцу моему, Вашему Превосходительству...

СУМАРОКОВЪ.

Безъ чиновъ, братецъ, безъ чиновъ!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Но, кажется, у милостивца приключилась пѣкал смѣхотворная оказія?

СУМАРОКОВЪ.

Да, что, братецъ, явился у насъ новый сочинитель драматическій, написалъ пьесу, гдѣ герои Русскіе мужики...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Дивно! Но, или не вѣдаетъ онъ пинтики?

СУМАРОКОВЪ.

Слышишь, Аблесимовъ? Вѣдь вотъ не сговаривались!

ЖУКОВЪ.

Такъ развѣ это вы, г-нъ Аблесимовъ, написали такую пьесу?

СУМАРОКОВЪ.

Эхъ! проболтался я! Ну, да, тѣмъ лучше, постараться уговорить его вмѣстѣ, подружески. Слышите: мужики на сценѣ и начинается, тѣмъ...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Сирѣчь, мужики Русскіе? Да, колико же сіе есть подлю! И говорятъ по мужички?

СУМАРОКОВЪ.

Чего: говорятъ — поютъ мужичкія пѣсни, объясняются по-своему въ любви... Вотъ какъ начинается пѣсно любовникъ... Постой, постой!

Вотъ спою какую пѣсню:

Ходилъ молодець на Прѣсню!

(Тредьяковскій, Жуковъ и Сумароковъ хохочутъ.)

КНИПЕРЬ.

Пѣсню — Прѣсню!... Да, не хорошъ, не хорошъ! Какъ я этого не замѣтилъ!

СУМАРОКОВЪ.

Любовникъ, какъ бишь говорить любовникъ. Да: «У насъ вѣдь не по боярски, а какъ любушкѣ своей тулумбаса два, три въ спину вѣлпивишь, да она стерпигъ — такъ и паша!»

ЖУКОВЪ.

Фу!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Фи! оррибельно сіе и не есть пмеуемо изящно!

СУМАРОКОВЪ.

То ли еще? Одно изъ лицъ поеть:

Мнѣ на спорщицу женицу
Кушнть добрую шетицу,
Нахлестать ея синицу!
Будеть жить, какъ я хочу...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

О Книпкти.манусь! О Роллинь! О
вкусъ! О эловвенция!

КНИПЕРЬ.

О я пропала, пропала съ ручками
и съ пожками пропала... О! сто
пощечина мнѣ, сто пощечина за то,
что я дуракъ!...

ЖУКОВЪ (съ угасіісли).

Г-нъ Аблесимовъ! послушайтеъ до-
браго совѣта...

АБЛЕСИМОВЪ (съ гипволиз).

Убирайтесь съ вашими совѣтами! —
Александръ Петровичъ! я слышалаъ
все, я вытерпѣлаъ все, и смѣю утвер-
ждать, что моя комедія хороша, что
она будетъ имѣть успѣхъ необыкно-
венный!...

СУМАРОКОВЪ.

Да, развѣ ты зрителей съ толкучаго
рынка сгонншь — такъ! Но, вкусъ
публики...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Но, вкусъ и пінтика!

ЖУКОВЪ.

Но, пінтика и вкусъ!

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, да, вкусъ, пінтика! — Пока смѣ-
лся Александръ Петровичъ, я еще
сомнѣвался, а когда моей комедіи не
хвалите вы — прочь всѣ сомнѣнія!...

КНИПЕРЬ (робко).

Такъ вы увѣренъ въ успѣхъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Да, я заплачу вамъ всѣ убытки, если
они будутъ, а съ вами, Александръ
Петровичъ, не угодно ли — быосъ
объ закладъ!

СУМАРОКОВЪ.

Пожалуй!

АБЛЕСИМОВЪ.

Успѣхъ и — рука Анны Ивановны!

АННА ИВАНОВНА.

Что вы хотите дѣлать?

АБЛЕСИМОВЪ.

Если моя комедія упадетъ, тогда —
простите на вѣкъ, а если... вы моя!
ЖУКОВЪ.

Что такое? Его? Да развѣ опъ...
СУМАРОКОВЪ.

Я не прочь — шутить, такъ шутить —
изволь, братъ, по рукамъ! Разни-
май, Василий Кирилловичъ!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Марьяжъ или абшиить женицу!
СУМАРОКОВЪ.

Куда жь ты, сочинитель Мельника?
АБЛЕСИМОВЪ.

Простите — вы не увидите меня до
тѣхъ поръ, пока это самое названіе
не принесетъ мнѣ чести.

(Бѣжитъ вонъ.)

ЯВЛЕНИЕ 12.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ АБЛЕСИМОВА.

СУМАРОКОВЪ.

Жаль мнѣ его — славный малый, да
вотъ — дурь нашла — вздумалъ пи-
сать!

ЖУКОВЪ (Анна Ивановна).

Неужели вы, прелестнѣйшая, вдох-
новляющая Муза...

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! отстаньте отъ меня!

(Бѣжитъ вонъ.)

СУМАРОКОВЪ.

Но, вотъ тебѣ то, братецъ, Богданъ
Богдановичъ, какъ тебѣ-то не стыд-
но? На сценѣ, гдѣ гремѣли мой Си-
навъ и Труворъ, гдѣ заколосась моя
Ильмена — ты допусклась мужнцкіе
фарсы, подмыла шутки?

КНИПЕРЬ.

Охъ!

СУМАРОКОВЪ.

Ты портишь вкусъ, ты уродуешь
храмъ Галли. Да, ты достоинъ послѣ
того плюшки зажигать, а не дирек-
торомъ театра быть...

КНИПЕРЬ.

Я плакать хочеть со стыдъ!

ЖУКОВЪ.

Но, стало быть, Александръ Петро-

вичъ, г-нь Аблесимовъ имѣлъ нѣкоторую претензію на руку Аниы Ивановны?

СУМАРКОВЪ.

Да!

ЖУКОВЪ.

Но, вѣдь вы почти дали слово мнѣ?

СУМАРКОВЪ.

Я и сдержу его.

ЖУКОВЪ.

А закладъ вашъ?

СУМАРКОВЪ.

Развѣ ты не видишь, что шутка, братецъ?

ЖУКОВЪ.

Да, точно ли его комедія очень плоха?

СУМАРКОВЪ (*даетъ ему рукопись*).

Да, на вотъ тебѣ — читай и по-смейся!

ЯВЛЕНІЕ 13.

ПРЕЖНИЕ И СЛУГА.

СЛУГА.

Богданъ Богданычъ! васъ зовутъ въ телтеръ!

КНИПЕРЪ (*въ отпални*).

Что мнѣ тамъ дѣлать?

СЛУГА.

Говорятъ-съ драка за билеты — народъ дескать ломится въ двери...

КНИПЕРЪ (*въ радостно-мелко недоу-мливнѣ*).

Какъ? Что такое, что такое?

СЛУГА.

Билетовъ, вишь, не достало!

КНИПЕРЪ (*трепещетъ*).

О!... Да, нѣтъ! Неправда! Однакожь побѣгу... Это какой нибудь ошибка!

СУМАРКОВЪ.

Постой, постой... (*Книперъ опро-метью бѣжитъ*).

ЖУКОВЪ.

Кой чортъ! Да это сумасшедшая гиль! (*въ сторону*) Однакожь побѣжать было туда — пришикнути, да

присвиснуть еще, все-таки не мѣшайтъ... (*срочно*) Александръ Петровичъ! позвольте мнѣ униженному, представить вамъ и мою дрянную рукопись, и — напомнить условіе...

СУМАРКОВЪ.

А! давай-ка, давай — посмотримъ, что такое!... Ба, и посвященіе по формѣ... «Его Превосходительству... Расину... Корислю.» — Ну, мы ужь къ этому привыкли... Далѣе —

Тому, кто храмъ воздвигъ Россійской

Мельпомены,

Сіе твореніе, назначенно для сценъ

Осмѣливаюсь я усердно посвятить,

Да повелить ему оцъ — жить, иль мерт-выми бытъ...

Хорошо, хорошо, давай читать!

ЖУКОВЪ.

Позвольте ужь мнѣ не присутствовать въ то время, когда Россійскій Расинъ будетъ удостоивать высокаго взгляда мои ничтожныя рѣшмы — я могу умереть отъ страха и радости. Да, и дядюшка хотѣлъ что-то съ вами отдѣльно поговорить... (*низко кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

СУМАРКОВЪ И ТРЕДЬКОВСКІЙ.

СУМАРКОВЪ.

Что такое поговорить? Если такъ, такъ садись же сюда поближе, Василий Кирилловичъ!

ТРЕДЬКОВСКІЙ.

Великое дерзопленіе, да еще и дерзость возымѣть я...

СУМАРКОВЪ.

Ну, что у васъ новенькаго-то въ Питерѣ дѣлается? Възъ я въ Петербургъ вашимъ теиерь гость — почти ни съ кѣмъ еще не видался; хоть и не только что прѣехалъ, да все такъ занятъ моею одою — вотъ ужь третью недѣлю сижу...

ТРЕДЬКОВСКІЙ.

Что безъ васъ! Сами вотъ извольте увидѣть!... сиротствуетъ Парнасеъ,

плачутъ Музы у истоковъ Россійскія Арегузы!

СУМАРОКОВЪ.

Что правда, то правда — плохо, братъ, Россійскому Парнаксу приходится отъ плохихъ стихотворцовъ . . .

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Изученіе элоквенціи упадаетъ.

СУМАРОКОВЪ.

Чистый вкусъ исчезаетъ! . . . Вотъ ужъ и мужицкія оперы не учась пишутъ . . . да еще и у меня въ домъ . . .

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Неужели имѣя толкіи геніусъ, сирѣчь, превыспръ, Муса Синава и Трувора безмолвіемъ запечатлѣнна пребыла доньшъ?

СУМАРОКОВЪ.

Куда ужъ, братецъ, нашему брату, старику, писать!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Истинно есть рѣченіе, что не повадливо Мусамъ Россійскимъ, да толіко мало есть слышны звуки лиры вашей . . .

СУМАРОКОВЪ.

Другимъ мѣсто дать надобно! Вѣдь и изъ молодежи являютъ у насъ таланты — Хмъ! (тихо) Дай испытаю молодца! (вслухъ) Вотъ у насъ одинъ пінта въ Москвѣ, одинъ — ну, имени не скажу — что еще вздумалъ? переложить Шакеспира Гамлета. Ты знаешь, что Шакеспиръ былъ Англійскій пінта, и есть въ немъ презрѣдныя искры дарованія, но ихъ надобно искать тамъ, гдѣ Езоповъ пѣтухъ нашель жемчужину. — Ну, такъ вотъ, посмотри же самъ, какъ Шакеспиръ заговорилъ по Русски — вотъ я тебѣ прочту . . . гдѣ-то у меня былъ тутъ списокъ Гамлетова презрѣднаго монолога . . . то есть, братецъ . . . Да вотъ ты самъ увидишь . . . Гдѣ бинь . . . Да, вотъ онъ! Видишь — Гамлетъ въ горести, хочеть зако-

лотъся — такъ ужъ ему пришлось — вотъ и хватается за шапу, и вдругъ..

(начинаетъ декламировать)

Постой! великое днесь дѣло предлежить:
Мое сей тѣло часъ съ душою раздѣлить.
Отверзть ли гроба дверь и бѣдствы окончати?

Или во свѣтъ семь еще претерпѣвати?
Когда умру—засну, засну и буду спать.
Но что за сны сія ночь будетъ предъ ставлять?

Умреть и внити въ гробъ — спокойствіе предстно,
Но что послѣдуетъ спу сладку? невѣство!

Мы знаемъ, что сулитъ намъ щедро Божество —
Надежда есть — духъ бодръ — но слабо естество . . .

(вста киваетъ)

О смерть, послѣдній часъ, минута прелюбѣйша!
Послѣдняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!

Воображеніе мучительное намъ,
Непозрѣченный страхъ отважѣйшимъ сердцамъ!
Единымъ именемъ твоимъ вся плоть трепещеть
И отъ пристанища опять въ валы отмещеть.

Но если бы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна,
Кто бъ не хотѣлъ имѣть сего спокойна сна?

И кто бы могъ снести злосчастія, гоненья,
Болѣзнь, нищету и сильныхъ нападенья,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, неварности друзей,

Вліпный дѣ въ сердца великихъ лести рѣчами,
Когда бъ мы жили въ вѣкъ п скорбь жила вѣкъ съ нами?

Во обстояльствахъ такихъ намъ смерть нужна.
Но, ахъ! во всѣхъ бѣдахъ еще страшна она . . .

И какъ ты, естество, суровствамъ подчиненно!
Страшна . . . Но весь сей страхъ пройдетъ мгновенно! . . .

Мой разумъ естество почти превозмогло . . .

О долги! о красота! о сколь терпѣть
 мнѣ зло!
 Я горести своей вдаюся безразсудно...
 Не можно вообразить, какъ мнѣ терпѣть
 трудно...

(Отираетъ потъ и садится.)

Тьфу! Ну... что скажешь?.. А! каковы стихи? что? — не дурны?

Тредьяковскій *(сухо.)*

Еще коли-бы... Да, не дурны...

Сумароковъ *(съ досадою.)*

Только не дурны?

Тредьяковскій.

Я вамъ такъ же хотѣлъ прочесть
 опытъ... здѣшняго перевода — хмъ!
 Энеиды Виргиліуса... если позволите...
 Помните, когда Римскій пинта
 презрлдно описываетъ сошествіе
 Энея въ адъ, царство Тартаруса,
 презлбнаго Плутона, и по смѣху
 — восклицаетъ:

Тамъ на низу, при престолѣ, стояла
 смерть цвѣто-блѣдна,
 Двище мозгло, мослисто, и глухо, и тѣ-
 мо, и слыно,

Та въ рукахъ пьела свою преострую
 косу,

Кою еще изощрала оселками всю не-
 престанно.

Окрестъ ея летали черны и мрачны пе-
 чали

Лютыя и недовѣрности, кровь источаю-
 щи мести,

Тѣжъ израцены всѣ, и ненависть пе-
 справедлива,

Зависть пряткомъ свой смертный ядъ из-
 блевающа гнусно,

И въ бѣсноту приходяща, вредить что
 не возмогаетъ...

Сумароковъ.

Постой-ка, постой, Василій Кирилло-
 вичъ!

Тредьяковскій *(въ жару ничего не слышитъ.)*

Мерзки страшница и весьма привидѣ-
 нія страшны,

Мертвыхъ собой представляющіи, да жи-
 выхъ испугаютъ,

Тщетныя и словдвѣія, и безсоиницы
 люты,

Тожъ цотолпку, сны покоянку опе-
 чалуютъ.

Сим смертельны призраки всѣ окружали
 Плутона,

И сей отвѣщать...

Сумароковъ.

Да, погоди — дай слово....

Тредьяковскій *(не слушая.)*

Отвѣщаль... отвѣщаль голосомъ толстымъ
 и грубо...

Сумароковъ *(всканивая со стула.)*

Да, скажи, братецъ Василій Кирилло-
 вичъ, что ты, въ своемъ умѣ, азь
 нѣтъ?

Тредьяковскій *(останавливаясь.)*

Къ чему аллегорическое есть рѣченіе?

Сумароковъ.

Да, къ тому — что ты мнѣ такое
 читаешь? Да что это за стихи? Да,
 тутъ и рѣшмы, кажется, нѣтъ?

Тредьяковскій *(улыбается.)*

Рѣшмы — гремушки, дѣтски игрушки,
 стихъ съ ними безъ душки, какъ у
 малой мушки, да толку ни полуш-
 ки! — Видите — захотимъ и мы рѣ-
 мовать, такъ за рѣшмой въ карманъ
 не ходимъ... Да, если пошло на
 стихи съ рѣшмами, такъ вотъ вамъ и
 цѣлая трагедія на лицо, шестистоп-
 нымъ вашимъ ямбомъ, съ ритмою...
*(Онъ разстегиваетъ кафтанъ и вы-
 таскиваетъ изъ-подъ полы кафтана
 огромнѣйшую тетрадь.)*

Сумароковъ *(съ ужасомъ.)*

Какъ? Ты еще хочешь читать?

Тредьяковскій *(развертывая те-
 традь торжественно.)*

Дейдамія, трагедія въ пяти дѣй-
 ствіяхъ, въ стихахъ. — Дѣйствіе 1-е.
 Явленіе 1.

Сумароковъ.

Постой, постой, братецъ! Скажи, что
 тебѣ надобно отъ меня?

Тредьяковскій *(съ жаромъ.)*

Молю, да, имѣйте вниманіе, прослуша-
 ете чадо мое, и если оно достойно ува-
 женія, да рекомендуете его на сцену,
 гдѣ вашъ голосъ только... только...

Сумароковъ.

Постой-ка, да ты не надуваешь ли
 меня? Полю — не свои ли ты сти-

хи выдалъ мнѣ за переводъ изъ Вир-
гилія?

тредьяковскій (*устыжалсь*.)

Да, если бы и такъ? Да, милостивецъ
мой — видно поправились? Да, это
стихи изъ моей Телемакиды — чис-
тые гексаметры, чисто Эллинская
скация!...

сумароковъ.

Да, за то и смысла-то въ нихъ я на
чисто не вижу!

тредьяковскій (*оскорблясь*.)

Такъ неужели болѣе смысла въ томъ,
что вы мнѣ читали изъ Шахснира?
(*Парикъ его отъ сильнаго движенія
сдвигается на сторону*.)

сумароковъ.

Да, знаешь ли ты, чѣмъ это читалъ я
стихи?

тредьяковскій (*поправляя парикъ*.)
Пыжжика какого нибудь, сиречь,
юноши дутика!

сумароковъ.

Ахъ! ты старый враль! Да вѣдь это
мои стихи?

тредьяковскій.

Какъ? Ваши?

сумароковъ.

Да, тебѣ ли судить о стихахъ, пач-
кунъ ты этакой?

тредьяковскій.

Оскорбляете, Александръ Петровичъ,
забываетесь!

сумароковъ.

Самъ ты забываешься, старая Пар-
насская крыса!

тредьяковскій (*гордо*.)

Крыса сія имѣетъ чинъ Надворнаго
Советника!

сумароковъ.

Я самъ Дѣйствительный Статскій Со-
ветникъ — я Разинъ Русскій, я
Мольеръ Россійскій.

тредьяковскій.

А я Омиръ Русскій, Виргиліусъ Рос-
сійскій! Очистите-ка совѣсть отъ то-
го, что вы забрали отъ Французскихъ
трагиковъ, что-то у васъ тогда оста-
ется!

сумароковъ.

Такъ что жъ что забралъ? Я завое-
валъ у нихъ красоты!

тредьяковскій.

Поострите зубки вашимъ тупова-
тымъ эниграммамъ!

сумароковъ.

А ты сожги еще, да въ третій разъ
начинай пытать своего дурака Рол-
лена!

тредьяковскій.

Какъ, Г-нъ Ролленъ дуракъ?

сумароковъ.

Какъ? мои эниграммы не остры?
Да, я тебя проколю эниграммою на-
сквозь?

тредьяковскій.

Да, я васъ въ Ювеналовской сатиры
выставно!

сумароковъ.

Да, я тебя въ пѣснь осмѣю, да и ду-
рака-то твоего племянника во дворъ
къ себѣ не пущу... Убирайся ты
къ чорту съ твоей трагедіей — она
гадка, глупая!

тредьяковскій.

О...о...если такъ, такъ я же...Мы
не здѣсь увидимся — а тамъ, тамъ, на
Парнассѣ... Моя трагедія глупая...
моя трагедія гадкая... Г-нъ Ролленъ
дуракъ!...

(*Спѣшитъ вонъ, забывая тетрадь
свою на стулѣ*)

ЯВЛЕНІЕ 15.

сумароковъ (*одинъ*.)

Ахъ! проклятый рѣмоскрыпъ! Ахъ!
рѣмачъ безмозглый! Да, я жваго
мѣста на немъ не оставлю! Я изъ
него эниграммами рѣшето сдѣлалю!
Я его ухожу... Постой, постой,
эниграмма? Такъ, такъ!

(*садится и пишетъ*)

Уродливый творецъ претолслилъ пиимы,
Гдѣ такъ же смысла нѣтъ, какъ лѣтъ у
пей и риомы
Твой трудъ къ безсмертію тебя не пове-
детъ,

Съ тобою въ Лету онъ на вѣки упадетъ!

Ха, ха, ха! Что? каково? колется?
Хорошо! Еще энграмму! О л тебя...

ЯВЛЕНИЕ 16.

СУМАРОКОВЪ И КНИПЕРЬ.

КНИПЕРЬ (*поспѣшию.*)

Александръ Петровичъ, вась туда зовуть! Ступайте скорье!

СУМАРОКОВЪ.

Зовуть? кто?

КНИПЕРЬ.

Иванг. Ивнновичъ Шуваловъ, и господя — и Богъ знаетъ, кто?...

СУМАРОКОВЪ (*всканивал.*)

Что? Куда? Что такое?

КНИПЕРЬ.

Въ театръ; народу тамъ бездна такая, что стѣны трещать, и вся знать съѣхалась!

СУМАРОКОВЪ.

Да, ты развѣ мою трагедію какую нибудь сегодня даешь?

КНИПЕРЬ.

Какой ваша трагедія — Мельникъ, Герръ Аблесимовъ! Вы это знаете!

СУМАРОКОВЪ.

Да, что же, съ ума, что ли они сошли? Неужели они съѣхались смотреть твоего Мельника?

КНИПЕРЬ.

Да, да! первое дѣйствіе сыграно! Въ восторгъ — все кричить: «Вотъ Русское! Вотъ чудо! вотъ» — да, и такъ — хлонъ, хлонъ, хлонъ, да и bravo, и фора! — Спрашиваютъ: гдѣ г-нъ Сумароковъ? Какъ ему не стыдно, что онъ не смотритъ пьесъ свой ученикъ? Честь и хвала ученикъ и учитель!

СУМАРОКОВЪ.

Что за дичь такая! Эй (*слуга аходитъ*). Кафтацъ мнѣ, парикъ, лязку! (*одъивалъ*) Такъ они называли его моимъ ученикомъ.

КНИПЕРЬ.

Какъ же! Я всекъ сказалъ, что г-нъ Аблесимовъ у васъ учился!

СУМАРОКОВЪ (*горделиво*).

Именно, любезный Богданъ Богда-

нычъ, именно, я наставилъ его, я руководствовалъ; но пойдемъ, пойдемъ скорье!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 17.

АННА ИВАНОВНА (*вбѣгаетъ*).

Что за шумъ такой? Гдѣ дялюшка? Куда это они побѣжали? Гдѣ-то мой бѣдный Александръ Онисимычъ? Что-то дѣлается въ театрѣ? Ахъ, сердце мое такъ бьется!..

ЯВЛЕНИЕ 18.

АННА ИВАНОВНА И ЖУКОВЪ.

ЖУКОВЪ.

Вы здѣсь, несравненная — Я такъ благополученъ, такъ счастливъ, что могу васъ видѣть, что могу...

АННА ИВАНОВНА.

Скажите, гдѣ дялюшка?

ЖУКОВЪ.

Онъ въ театрѣ.

АННА ИВАНОВНА.

А вы тамъ были? Что тамъ дѣлается?

ЖУКОВЪ (*въ сторону.*)

Такъ она еще не знаетъ? Отицу (*грохотъ*) Ахъ! не спрашивайте! пожалуйста бѣднаго автора.

АННА ИВАНОВНА.

Неужели его пьеса упала?

ЖУКОВЪ.

Такого паденія и не слыхивано! Хотеть, свистки, шумъ — я думаю докончить не дадутъ!

АННА ИВАНОВНА (*падаетъ въ кресла.*)

Боже мой!

ЖУКОВЪ.

Что съ вами сдѣлалось? Помыуйте, что такое?

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! отойдите прочь, сударь, прочь! я васъ терять не могу...

ЯВЛЕНИЕ 19.

ТЪ ЖЕ И АБЛЕСИМОВЪ.

АННА ИВАНОВНА,

Ахъ! мой добрый другъ! Ахъ! Александръ Онисимычъ!

АБЛЕСИМОВЪ.

Что такое, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА.

Все копчено! Вся надежды наши погбили...

АБЛЕСИМОВЪ.

Неужели! Кто сказал?

ЖУКОВЪ.

Я!

АБЛЕСИМОВЪ.

Такъ! Сердечная тоска меня не обманула... И я не послушался совѣта такого опытнаго поэта!.. Анна Ивановна! прощайте, прощайте навсегда!

АННА ИВАНОВНА.

Какъ? что вы говорите?

ЖУКОВЪ.

Онъ бѣжитъ, онъ отказывается отъ васъ. — Разумѣется, вамъ стыдно было бы быть невѣстой обвиняннаго писателя!

АБЛЕСИМОВЪ *(горло.)*

Обвиняннаго? . . . *(оголился)* Но онъ имѣетъ право такъ говорить... О! я глупецъ, глупецъ!

АННА ИВАНОВНА.

Но теперь-то я васъ и не оставлю!

ЖУКОВЪ.

Но вашъ дядюшка?

АННА ИВАНОВНА.

Хоть бы цѣлый свѣтъ...

ЖУКОВЪ.

Вотъ хорошо! А слово, мнѣ данное?

АБЛЕСИМОВЪ.

Нѣтъ! Анна Ивановна — я отказываюсь отъ васъ! Безталантный дуракъ не будетъ зятемъ Сумарокова... Я думалъ, что довольно сильно чувствовать, довольно представить людямъ истину — Русскому Русское, и что при одномъ голосѣ Русской пѣсни сильно забьется Русское сердце; но...

(Смѣшекъ голосъ Кшипера, который бѣжитъ и поетъ весело: «Ужъ какъ шла старикъ съ старухой изъ лѣсок!»)

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! голосъ Богдана Богдановича!...

—
ЯВЛЕНИЕ 20.

тѣ же и кшиперъ *(на весельѣ, съ бутылкой и стаканомъ.)*

АБЛЕСИМОВЪ.

Богданъ Богданович!

кшиперъ *(поетъ и пляшетъ.)*

Ужъ какъ шла старикъ съ старуха

Изъ лѣсочка,

Изъ лѣсочикъ, и шла съ дочкѣ

Прикошайкой...

Трали та ли, та ли, ли та ли,

Тра да лай ла, ла!

АБЛЕСИМОВЪ.

Что съ вами сдѣлалось?

кшиперъ *(пѣетъ.)*

Ура! Мельникъ! Ура! Аблесимовъ!

—
ЯВЛЕНИЕ 21.

тѣ же и сумароковъ.

сумароковъ *(входитъ.)*

Ура! Мельникъ! Ура! Аблесимовъ!

За здоровье автора! *(беретъ у Кшипера стиханъ и пѣетъ.)*

АННА ИВАНОВНА.

Дядюшка! Какъ? Развѣ Мельникъ его не упалъ?

СУМАРОКОВЪ.

Упалъ? Кто тебѣ сказалъ это?

АБЛЕСИМОВЪ.

Вотъ г-нъ Жукъ!

СУМАРОКОВЪ.

Да, не васъ ли, полно, Петръ Осодоровичъ, вывели изъ кресель, когда вы вздумали было свиснуть? Ха, ха, ха!

ЖУКОВЪ.

Нѣтъ-съ! это моего сосѣда — на немъ былъ такой же кафтанъ, какъ и на мнѣ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Не совѣстно ли было однако жъ вамъ прибѣгать сюда, нагать, испугать насъ?

ЖУКОВЪ.

Я пошутилъ... А за то я первый поздравлю васъ съ успѣхомъ!

АННА ИВАНОВНА.

Такъ его пѣса сыграла съ успѣхомъ?

сумароковъ (*гордо.*)

Только мои пьесы донынѣ могли имѣть подобныя успѣхи...

киннеръ.

У меня ужъ и на завтра всѣ билеты разобраны, а послѣ завтра вѣрно поставятъ Мельникъ на придворный спектакль...

Аблесимовъ.

Вѣрить ли ушамъ?

сумароковъ.

Да, и мнѣ за тебя, братецъ, столько наговорили комплиментовъ...

Аблесимовъ.

Да, вамъ, Александръ Петровичъ, вамъ и одолженъ я всѣмъ: ваша поэзія познакомила меня съ литературою...

сумароковъ.

А моя Аюта съ поэзіею? Ну, братъ, Аблесимовъ! надобно сознаться, что ты хоть не ученый, но природный поэтъ — да, ты поэтъ! Пинтика пинтикой, искусство искусствомъ, и что хочешь говори, а твой Мельникъ — такъ вотъ заставилъ у меня играть всѣ мои Русскія косточки... Науки-то тутъ нѣтъ, а — просто хорошо, да и чортъ знаетъ, какъ мнѣ прежде этого самому въ голову не приходило!...

Аблесимовъ.

Стало, мой Мельникъ не даромъ же называется колдунъ и обманщикъ — онъ заколдовалъ васъ и обманулъ вашу пинтику... Но вѣдь у него и еще есть названіе...

сумароковъ.

Свать! — Давайте-ка руки: я проигралъ закладъ. Аннушка! ты заплатишь за меня Аблесимову — живите-ка счастливо, да давайте намъ Мельниковъ побольше!

киннеръ.

Попольше, попольше! Я откупаю ихъ всѣ напередъ!

жуковъ (*Сумарокову.*)

Но ваше слово?

сумароковъ.

Слушай, братъ, за невѣжество дяди твоего и за твои шуточки, хоть ты стихотворецъ и порлдошный — стоило бы тебя проводить отсюда... пу, да на радости ссориться не хочу — о старомъ молчи, да поздравляй жениха съ невѣстою... Право, я такъ радъ, что даже помирился бы и съ Василиемъ Кирилловичемъ — стихотворецъ онъ плохой, а человекъ, хоть и пустой, но добрый, а что мы посчитались съ нимъ немножко...

—
ЯВЛЕНИЕ 22.

ТЪ ЖЕ И ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ (*выглядывая изъ двери*).

Извините — я здѣсь забылъ маленькую рукопись мою...

сумароковъ.

Кстати и ты, Василий Кирилловичъ! Что? рукопись? (*беретъ и несетъ къ столу*) На-ка, братъ, естъ тебѣ — эка машина! Да постой-ка, постой: за что мы давеча съ тобой на старости побрались? Вѣдь мы не со вчера знакомые!

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Кажется, таковая амиція укрѣпшена была сукцессей многихъ лѣтъ...

сумароковъ.

Не помириться ли намъ за стаканомъ вина?

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Да, если вы опять станете осуждать мои гексаметры?

сумароковъ.

Нѣтъ! ужъ не стану, а — только ты впередъ будь осторожнѣе, и если я что нибудь читаю...

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Буду хвалить — вѣдь и умный можетъ ошибиться — вотъ вы что-то о Мельникѣ давеча говорили...

сумароковъ.

Да, Мельникъ его порлдошный урокъ нашимъ пинтикамъ... Какъ это такъ

... Поидемъ-ка, да за бутылкой вина посудимъ, да поспоримъ! Александръ Оппсимовичъ! иди впередъ — веди своего невесту! Петръ Федоровичъ! давай мнѣ руку (*смылся*), да не пиши, братецъ, такими стихами, какими твой дядюшка пишетъ.

(Книперъ бѣжитъ впередъ и открываетъ двери.)

Тредьяковскій (одинъ.)

Шути, сударь, шути... Государь Петръ Алексѣевичъ поумиѣ тебя былъ, такъ я былъ еще тогда вотъ этакой — а онъ и зашелъ къ намъ въ школу — кого такъ — кого сякъ,

а на меня поглядѣть, ударилъ меня десницею по лбу, да и сказалъ: «вѣчный труженникъ, а толку не будетъ» — Хе, хе, хе! Вотъ и великій Государь былъ, а во мнѣ ошибся... Да, поди, увѣрь другихъ... Хотѣ бы и о стихахъ моихъ говорить Александръ Петровичъ, а вотъ я... *(обращаясь къ зрителямъ, развертываетъ тетрадь Дсидамии, и кладетъ ее на одну руку, другою готовясь декламировать)* прочту вамъ....

(зажавъсь опускается).